

Елена Трифоненко

Прости,
я притворялся

16+

Елена Трифоненко

Прости, я притворялся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67422104

SelfPub; 2022

Аннотация

Платон был готов на многое ради благополучия семьи. Но когда мама попросила его испортить жизнь одной провинциальной простушке, растерялся. Теперь он перед выбором: собственные моральные принципы или жизнь отца и счастье брата. Раздираемый противоречиями, Платон едет в Сочи. Он хочет ближе узнать девушку, чью жизнь следует уничтожить.

Содержание

Глава 1. Платон	4
Глава 2. Мия	32
Глава 3. Платон	57
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Елена Трифоненко

Прости, я притворялся

Глава 1. Платон

Даже на крохотном экране домофона было видно, что мама готова заплакать. Она стояла на крыльце, обхватив плечи руками, и как будто мелко тряслась. Ее изящный нос распух, кожа посерела. Наспех собранные в пучок волосы норовили вот-вот рассыпаться по плечам.

Я как-то даже завис, когда увидел ее вот такую. Потом опомнился, чертыхнулся, неуклюже ткнул пальцем в пиликающий домофон. Входная дверь открылась, но мама почему-то не спешила входить.

– Ты один, родной? – спросила она хрипло, через силу.

– Нет, у меня Виктория.

Мама поморщилась, приложив пальцы к вискам, сказала:

– Тогда я не буду подниматься. Спустись сам, пожалуйста: есть разговор.

– Что-то с папой?

– Потом, Платон, все потом. – Она казалась такой маленькой и жалкой, что сердце у меня мучительно сжалось.

Я тут же вернулся в спальню, вытащил из шкафа джинсы и футболку. Мне хотелось ускользнуть из квартиры незаметно.

но, но не получилось. Виктория приподнялась над подушкой, взглянула на часы.

– Боже, только шесть утра! Кто это был? Куда ты собрался?

– Спи! – шепнул я и покинул комнату без объяснений.

Минуту спустя я уже оделся и вышел во двор. Мама стояла у крыльца и встревожено озиралась. Она выглядела как шпионка, которая боится, что ее вот-вот рассекретят.

Я торопливо, по привычке, чмокнул ее в щеку.

– Что случилось, мам? Рассказывай!

Она не ответила, жестом попросила следовать за ней и пошла вперед.

Вокруг никого не было. У земли стелился туман – густой и холодный. Мама свернула к скверу, начинающемуся сразу за моим домом, прошла метров двести и только потом остановилась, посмотрела на меня. В ее взгляде читались безысходность и отчаяние.

– Я в беде, Платон. Вся наша семья в беде. И только ты можешь помочь.

По ее щекам заструились слезы. Мама вытщила из сумочки платок – тонкий, почти прозрачный, стала с остервенением тереть лицо.

Я осторожно обнял ее за плечи.

– Ну что ты, мама, не надо плакать. Я обязательно все улажу, только объясни толком, что случилось.

– Что случилось? Наша жизнь вот-вот пойдет прахом –

вот что случилось! – простонала она, вырываясь. – И все из-за меня! Все из-за моей глупости.

– Я не понимаю, мама... – пробормотал я, борясь с подступающим раздражением. – Что ты имеешь в виду?

Она опустила глаза и несколько секунд словно собиралась с силами, а потом вдруг призналась:

– Двадцать три года назад я совершила ужасное. Я изменила вашему отцу.

– Что? – Ее признание меня оглушило. – Что, прости?

Мать дернулась, как от удара, но почти тут же выплюнула свое признание еще раз:

– Да, Платон. Я изменила вашему отцу и всю жизнь ненавижу себя за это.

Я посмотрел на нее внимательней. Мать пьяна? Заболела? То, что она сейчас сказала, просто не могло быть правдой. С самого детства все вокруг меня твердят, что мои родители – идеальная пара. Да я и сам это вижу. Они до сих пор ходят везде держась за руки. До сих пор смотрят друг на друга как влюбленные малолетки.

Но у матери ведь нет смысла мне врать. Нет повода! Да и я уже достаточно пожил на свете, дабы понять, что иногда благополучие лишь картинка.

Я пригладил взъерошенные со сна волосы и постарался быть снисходительным.

– Двадцать три года назад – это очень давно, – сказал я. – Забудь. Главное, что ты сделала выводы и больше никогда...

Мама не стала слушать: ей срочно приспичило исповедаться.

– Все произошло летом девяносто пятого, – сообщила она, и глаза ее сверкнули каким-то нездоровым азартом. – Ты гостил у бабушки в Воронеже, а я решила отдохнуть в Сочи. Мы должны были поехать в отпуск вместе с Сашей, но в последний момент твой отец, как всегда, предпочел работу. Я была зла на него за это и, видимо, поэтому позволила себе флиртовать с другим мужчиной. – Мама качнулась, тронула рукой куст смородины, растущий у дорожки, оторвала и смяла листик. – Он был художником, как-то попросил меня позировать и...

Меня чуть не вывернуло. Прямо там – на смородину.

– А можно без подробностей? – сказал я, делая пару глубоких вдохов, чтобы отогнать тошноту. – Я предпочел бы их не знать.

– Они, к сожалению, важны, – она вздохнула, снова провела платком по лицу. – Ведь через девять месяцев после той поездки родился Матвей.

В моей голове словно что-то взорвалось. Настолько сокрушительной оказалась новость.

– Подожди, ты хочешь сказать, что мой брат – сын того... того... – я никак не мог подобрать слов для мерзавца, полезшего к чужой жене без всяких душевных метаний.

– Да, это так, – мать вздохнула. – Сначала я сомневалась. Мне хотелось верить, что Матвей – Сашин. Но с каждым

годом сомнений было все меньше. К сожалению, твой брат унаследовал множество черт своего настоящего отца. И его характер.

– С ума сойти... – Мне вдруг стало так противно, будто наступил во что-то липкое и зловонное.

Мать попыталась схватить меня за плечо, но я отшатнулся. Ее рука, протянутая ко мне, упала безжизненной плетью.

– Прости, Платон! – тихо всхлипнула мама. – Я знаю, как это все ужасно звучит!

Ее губы затряслись, а в глазах полыхнула обреченность. Внезапную брезгливость, завладевшую мной, тут же вытеснила жалость. И любовь – огромная, всепоглощающая.

– Клянусь, я ни с кем не собиралась делиться этой тайной, – выпалила мама. – Я собиралась унести ее в могилу, но теперь это невозможно.

– Почему? Почему невозможно?

Я представил, что станет с отцом, если он все узнает: о предательстве любимой, о Матвее, о лжи, в которой жил десятилетия. В груди защемило. Черт! У отца слабое сердце, он только-только отошел от предынфарктного состояния, и ему противопоказаны любые потрясения.

На мгновение мне захотелось схватить мать за плечи и встряхнуть. Но я справился с подступившим гневом. Сухо спросил:

– Почему ты не можешь дальше хранить свою постыдную тайну?

– Из-за Матвея.

– А он-то тут при чем?

– Вчера он выложил на страничке в «Контакте» фотографию с девушкой. Подписал – «моя муза».

– И что?

– Он отметил эту девушку. Ее зовут Мия Пальма. Она дочь того самого художника, с которым я изменила твоему отцу.

Мне понадобилась почти минута, чтобы сообразить, к чему клонит мать. Во рту пересохло.

– Ты боишься, что у Матвея и этой девушки отношения?

Мама вздрогнула, едва уловимо мотнула головой.

– Я вчера говорила с Матвеем по телефону. Отношений пока нет, но твой брат влюблен и рассчитывает на взаимность. Пока он только добивается расположения Мии, так что у нас еще есть время его остановить. – Ее голос окреп, налился металлом. – Ты ведь понимаешь, что нельзя допустить отношений между братом и сестрой?

– Понимаю. Тебе нужно немедленно поговорить с Матвеем и все ему рассказать.

– Я не могу, Платон. Не могу.

– Почему?

– Как будто ты не знаешь, что твой брат – идиот! – нервно вскрикнула мать. – Он немедленно расскажет все Саше. Они же на ножах. Матвей будет рад уязвить отца вскрывшейся правдой. И, конечно, тут же подаст в суд на оспаривание от-

цовства.

Я не мог с ней не согласиться. Сколько отец и Матвей не разговаривают? Год? Больше? В свое время я невольно стал свидетелем скандала, превратившего их отношения в руины.

В тот день ничего не предвещало беды. Отец немного приболел, потому работал из дома. Я решил завезти ему кое-какие документы на подпись. Как только переступил порог родительского дома, услышал крики. Мать куда-то уехала, и папа решил воспользоваться моментом, чтобы задать Матвею трепку. Они, конечно, и раньше цапались, но в тот раз было что-то фееричное. Казалось, даже стены сотрясаются от криков.

Я поднялся в кабинет отца и попытался разрядить обстановку.

– Что за сыр-бор? – деловито спросил я. – Бейте уже друг другу морды, хватит расходовать лексический запас.

Отец проигнорировал шутку, скривился. Когда я уселся в кресло, он тоже сел и скорбно констатировал:

– Твоего брата выперли из университета. Оказывается, в этом семестре он не посетил ни одного семинара, не появился ни на одном экзамене.

– Seriously? – я повернулся к Матвею, стоящему у окна с отсутствующим видом. – А чего так?

– Поверь, у меня были дела поинтересней, – ответил брат.

– Щенок, безмозглый щенок! – Отец демонстративно закатил глаза. – Как же я уже задолбался разгребать твои ко-

сяки!

– Так и не разгребай.

– В этот раз не стану. Завтра ты сам поедешь в университет и будешь узнавать, как можно восстановиться.

– Не поеду, – буркнул брат.

– Это еще почему?

– Потому что в гробу я видал твой финансово-экономический.

– Что?

Отца почти затрясло.

– Ой, да ладно! – с усмешкой протянул Матвей. – Не делай вид, будто для тебя это новость. Мне никогда не нравился факультет, на который ты меня запишал.

– Мог бы перевестись. Какого черта ты дотянул до четвертого курса?

– Так получилось.

– «Так получилось»? – переспросил отец. – Да ты совсем совесть потерял, да? Я за тебя кучу денег отвалил, связи свои напряг, а у тебя «так получилось»?

Лицо отца пошло пятнами.

– Не так уж много денег ты и потратил, – попробовал парировать Матвей. – По сравнению с твоим годовым доходом – это тьфу. Пылинка.

– Да кто ты такой, чтобы мои деньги считать? – Отец ударил кулаком по подлокотнику. – Пылинка, значит? Ну так верни! Верни мне бабки, в тебя вбаханные.

– Да и верну! – вспыхнул Матвей. – Верну, не волнуйся.

– И когда же?

– Скоро.

– А конкретной сроки обозначить можно? – Голос отца сочился сарказмом. —Хоть тебя и выперли из универа, три года ты там проучился – должен был хоть какие-то навыки планирования приобрести.

Брат задумался, потом, качнув головой, сказал:

– Через год верну, не парься.

– Решил устроиться на работу? – Отец немного расслабился, откинулся на спинку кресла. – Похвально. И куда же вы, ваше сиятельство, решили податься?

– Я собираюсь заняться видео. – Мне показалось, что в голосе брата плеснулись заискивающие нотки. Он будто в глубине души все же надеялся на отцовское одобрение. – Я подыскал себе курсы по съемке и монтажу. Учиться всего полгода, потом сразу начну работать. Буду снимать свадьбы, за это хорошо платят, так что к следующему лету я с тобой рассчитаюсь.

– Свадьбы снимать? – переспросил ошарашенный папа. – А чего не голых девок? Ты же у нас по девкам специалист вроде. Иди уж тогда сразу их снимай – больше заплатят.

– Надо будет – и девок сниму! – процедил Матвей с каким-то садистским наслаждением. – Зачем отказывать себе в удовольствии?

Отец злобно хрюкнул, потом многозначительно посмот-

рел на меня.

– Слыхал? – ехидно спросил он. – Вырастили с матерью клоуна.

Желваки у Матвея чуть дернулись, но он совладал с собой. С нарочитым спокойствием ответил:

– Лучше смирить, пап. Я буду заниматься видео, даже если тебе это не нравится.

– А деньги на курсы где возьмешь? – тут же нашел большое место отец.

Матвей замешкался.

– Я дам ему деньги на курсы, – сказал я, желая, чтобы конфликт был скорее исчерпан.

– Да хватит уже его зад прикрывать! – рявкнул отец. – В двенадцать лет, может, и нормально брать на себя грешки брата, но сейчас-то зачем? Нравится наблюдать, как брат деградирует?

– Просто хочу, чтобы вы перестали ругаться.

– Пусть эта размазня сначала научится нести ответственность за свои проступки.

Брат поморщился.

– Ну и что ты рожу-то кривишь, чучело? – прорычал отец. – Отвечай давай, где деньги взять собрался на свои гребаные курсы? Заправку обнесешь? Ларек с шаурмой?

– Займу у кого-нибудь, – буркнул Матвей.

– Что? – папа явно решил проехаться по нему катком. – Побирušкой решил заделаться? Не бывать этому! Я не поз-

волю меня перед людьми позорить.

– А чего ты, собственно, раскомандовался? – с вызовом спросил Матвей. – Думаешь, я буду спрашивать у тебя, как распорядиться своей жизнью?

– Будешь! Будешь и спрашивать, и слушать.

– Ошибаешься! – Матвей распрямил плечи, задрал подбородок. – Отныне я плевать хотел на твоё мнение. Мне двадцать один. Я уже достаточно взрослый, чтобы самому принимать решения.

– Ах, вон оно что! Решил во взрослого дядьку поиграть? – папа усмехнулся. – Ну так и убирайся вон из моего дома, раз такой самостоятельный стал.

– И уберусь.

– Немедленно!

Глаза Матвея почернели от смутения и злости. Отца же понесло.

– И зачем я тебя только от армии отмазал, а? – процедил он, глядя на Матвея с таким презрением, что даже я поежилсся. – Надо было тебя в казарму, в строй. Пусть бы люди в погонах сделали из тебя человека, раз у меня не получилось.

– У меня вообще-то плоскостопие, – напомнил брат, злобно сверкая глазами, – меня бы и без твоих бабок не взяли.

– Взяли бы, дорогой! Ещё как взяли. Они даже таких слюнтяев, как ты, берут.

– Можешь не утруждать себя оскорблениями: я и так в курсе, как низко ты обо мне думаешь.

– Я по делам сужу, сынок. По делам.

– Тогда не стану тебя больше нервировать, – сказал Матвей, развернулся и спокойно вышел из гостиной. А через пару секунд входная дверь хлопнула так, что дом содрогнулся.

– Он уже завтра обратно прибежит, – с сомнением пробормотал папа. – Он же сам по себе вообще ничего не может. Погудит с друзьями и притащится. Надо позвонить в университет, узнать, что там и как.

Я пожал плечами. Вообще, я впервые видел, чтобы Матвей скандалил. Обычно он предпочитал «обтекать».

Несколько минут отец сидел неподвижно, а потом спросил, зачем я приехал. Я подал ему документы. Он раскрыл папку и замер.

– Что? – спросил я. – Что-то не так?

Отец побелел, тяжело задышал, а потом каким-то вымученным движением начал растирать ладонью грудь.

– Пап, ты чего?

– Набери Федору, – попросил он одними губами. – Что-то с сердцем.

Федор – наш семейный врач. Он был у нас минут через десять после того, как я ему позвонил. Едва взглянув на папу, он вызвал скорую. Отца увезли в больницу, поставив ему предынфарктное состояние.

А Матвей не вернулся. Ни на следующий день, ни через пару суток. Спустя примерно неделю после скандала я смог до него дозвониться, сказал, что папа в больнице.

– Мне плевать, – безжизненным голосом отозвался брат. – Плевать на этого тупого уroda.

А потом он просто повесил трубку.

Мама часто говорила, что Матвей у нас творческая личность, но папа неизменно пропускал ее слова мимо ушей. В роду Беркутовых творческих отродясь не бывало, потому папа предпочитал считать Матвея обыкновенным раздолбаем. За глаза он даже называл его «мамин сладкий пирожочек». И причитал, что не знает, как вырастить из пирожочка нормального мужика.

– Почему с тобой у меня никогда проблем не было? – частенько вопрошал отец после очередной выходки Матвея. – Почему ты получился нормальным, а он – нет, хотя я воспитывал вас одинаково?

Я неизменно пожимал плечами и пытался найти у брата «сильные стороны». На самом деле, это было лицемерием. Поведение Матвея я тоже почти никогда не одобрял. Мы с ним были из разных миров.

Я с детства считался гордостью семьи: хорошо учился, пару раз побеждал в городских олимпиадах по математике. Дружил со спортом. Матвей же имел совсем другие интересы. К примеру, в четырнадцать лет он потратил месяц на то, чтобы расшить себе куртку крышечками от пивных бутылок. С мамой случилась истерика, когда брат попытался взять эту куртку в наше турне по Франции. Куртка отправилась на помойку, а брат в качестве протеста побрился на лысо.

В пятнадцать Матвей сам набил себе огромную татуху на руке. Ее обнаружила бабушка, ворвавшись однажды без стука в комнату внука. В тот раз бабуля заодно узнала, что Матвей вовсю срисовывает девушек с порнографического журнала. От пережитого потрясения бабушка чуть к праотцам не отправилась раньше времени. А потом она еще год пыталась при случае умыть внука святой водой.

В шестнадцать Матвея привели домой полицейские. Оказалось, он нарисовал граффити на стене дома какой-то шишки. Родители «попали» на десятки тысяч. Полицейские, кстати, показали нам фото Матвеевых художеств. Я еще тогда подумал: а ничего так, красиво получилось.

Оканчивая школу, брат никак не мог выбрать профессию и просил дать ему год для того, чтобы определиться. Отец же уперся рогом: нет, нет и нет! Он испугался, что за двенадцать месяцев Матвей спутается с плохой компанией, подсядет на наркотики и обрюхатит какую-нибудь молоденькую уборщицу, только-только приехавшую из Узбекистана. И даже то, что брат плохо сдал ЕГЭ, папашу не остановило. Поистерив пару дней, он тут же раскошелился на платное обучение.

Черт! Вот зачем он это сделал? Сейчас, благодаря открывшимся фактам, мне отчетливо видно, что брату нужно было совсем другое. Вот только прошлое уже не переписать.

А я ведь тоже хорош! В нужный момент я не отстоял брата, согласился с отцом в том, что Матвей просто ленивый и легко попадает под чужое влияние. А мог бы разобраться

нормально во всем, поговорить с Матвеем по душам...

– О чем задумался? – спросила мама, когда я тяжело вздохнул.

Я потер лицо ладонью, отгоняя чувство вины.

– Ты права, Матвею не стоит ничего говорить. Тебе лучше побеседовать с этой девушкой. Как ее? Лия?

– Мия, Платон. Ее зовут Мия. – Мамины глаза вспыхнули неприкрытой злостью. – Но говорить с ней нельзя ни в коем случае.

– Почему?

– Ты хочешь, чтобы, узнав правду о Матвее, она стала шантажировать нашу семью?

– С чего ты взяла, что она будет это делать?

Мама сухо, скрипуче рассмеялась.

– Какой же ты еще наивный, Платон! Совершенно не знаешь жизни. Я наводила справки об этой девушке. Она бедна как церковная мышь, потому и вцепилась в твоего брата своими загребущими клешнями. Наверное, спит и видит, как залетит от этого олуха и вольется в состоятельную семью. Нищebroды не отличаются моральными принципами.

– Не думаю, что Матвей распространяется о своем происхождении, – скептически усмехнулся я. – Да и денег у него не так много, чтобы внушить какой-то дурочке надежды на безбедное существование.

– С деньгами у него все отлично, – кисло отозвалась

мать. – Я регулярно перевожу ему на расходы.

– Seriously? – Новость меня не обрадовала. – А папа в курсе?

Уголок маминых губ чуть дернулся.

– А сам-то как думаешь?

Я мотнул головой и нахмурился. Конечно, папа ничего не знает, иначе бы точно словил инфаркт. Он ведь ждет, что Матвей, вот-вот вернется под его крыло с покаянной головой. Специально заблокировал все его счета.

Хотя мать понять можно. Я и сам как-то, дозвонившись до брата, предлагал ему денег.

– Что же нам делать? – спросил я, чувствуя совершенное замешательство.

– Ты можешь все уладить, – ответила мать, сверля меня пристальным взглядом. – Именно ты.

– И как же? Не понимаю.

– Езжай в Сочи и заставь эту вертихвостку забыть о твоём брате.

– Каким образом? – Я снова чуть отшатнулся от матери. – Мне что, нужно запугать несчастную девчонку? Этого ты от меня хочешь?

– О Господи! Нет, конечно. Я всего лишь хочу, чтобы ты соблазнил ее, влюбил в себя. Нам нужно, чтобы эта девка дала Матвею от ворот поворот. Тогда все проблемы решатся.

– По-моему, ты меня не за того принимаешь. – Я даже рассмеялся в ответ, хотя смех получился чуточку искусствен-

ным. – Я не умею соблазнять девушек. Это Матвей у нас ловелас, а я всегда брал только то, что само плыло в руки.

– Ну перестань, Платон! Не время набиваться на комплименты. – Мама одарила меня своей фирменной кокетливой улыбкой. – Как будто не замечаешь, как женщины на тебя смотрят! Ты же весь в отца: такой же импозантный и притягательный. Безупречный! Поверь мне на слово, тебе ничего не придется делать. Просто побудь немного в поле зрения этой нищевродки. Своди ее в ресторан, подари пару безделушек. Дальше она сама все сделает.

Расписывая свой коварный план, мама как будто ожила. В ее глазах появился прежний блеск, но вместо того, чтобы этому обрадоваться, я почувствовал неприязнь. Никогда бы не подумал, что моя мать способна использовать грязные методы. Раньше она казалась мне совершенно бесхитростной, воплощением чистоты.

– Ну так что? – поторопила мать, заметив, что я опять пытаюсь уйти в свои мысли. – Ты мне поможешь?

– Мне что-то совсем не нравится твой план. Ты осознаешь, что толкаешь меня на безнравственный поступок?

Мама поглядела на меня как на идиота.

– Жизнь непростая вещь, милый, – сказала она. – Иногда хорошим людям приходится делать плохие вещи. От этого никуда не деться.

– Я так не считаю.

– Хорошо, я поняла твою позицию! – Ее глаза наполни-

лись горечью. – Если ты не хочешь мне помочь, я попробую найти кого-то другого.

Она развернулась, чтобы демонстративно удалиться, но я придержал ее за локоть.

– Подожди! Мы еще не договорили.

Мама потупилась, немного нервно разгладила подол платья.

– Может, нам удастся придумать что-то еще? – спросил я с надеждой. – Ведь явно существуют и другие варианты решения твоей проблемы.

В груди у меня чуть пекло от дурных предчувствий. Я не слишком загонялся по поводу подружки брата. Скорей, меня беспокоила Виктория. Мне не хотелось бы потерять ее из-за какой-то нелепой, навязанной мне интрижки.

Мама вдруг встрепенулась, нежно провела ладонью по моей щеке (совсем как в детстве).

– Ах, Платон, если бы существовали другие варианты, я бы немедленно к ним прибегла. Я ведь не хочу тебя подставлять. Ни в коем случае. Просто... Если с твоим отцом что-то случится, я этого не переживу.

Я перехватил ее ладонь и ободряюще пожал.

– Я помогу тебе, мама. Мы все уладим.

Легкий порыв ветра зашелестел листвой. В кустах смородины пискнула крохотная птичка. Мать взглянула на меня с благодарностью, а я напряг все свое самообладание, чтобы не отвести взгляда. Разумеется, я не собирался никого соблаз-

нять. Меня встревожил тот факт, что мать хочет обратиться за помощью к кому-то еще. Она сейчас явно не совсем вменяема и может натворить бед. Лучше я сам со всем разберусь. Один.

– Нужно действовать как можно быстрее, – вкрадчиво произнесла мать, убирая платок в сумочку. – Чем скорей ты окажешься в Сочи, тем лучше. Попроси у отца отпуск. Думаю, он тебя отпустит.

– Да, конечно, с этим проблем не возникнет. Но... – Я замялся, взъерошил рукой волосы. – Как быть с Матвеем? Сомневаюсь, что он обрадуется, увидев меня рядом со своей подружкой.

– О, не волнуйся, с Матвеем проблем не будет. Я увезу его в круиз по Байкалу.

– В круиз? По Байкалу? Сомневаюсь, что ему понравится твоя идея.

Мама вздернула подбородок, сказала:

– Он не откажет мне. Можешь не сомневаться.

Ее уверенность меня слегка позабавила, но спорить я не стал, только руками развел.

– Хорошо. Когда начнем осуществлять твой план?

– Все зависит от тебя Платон. Как только ты будешь готов.

– Мне нужно пару дней на то, чтобы уладить дела.

– Я понимаю.

Когда я вернулся в квартиру, Виктория уже не спала. Она

сидела на кухне с собранными волосами, колдовала над макияжем. Я вымыл руки и стал возиться с кофе-машиной. Не могу начинать утро без чашечки капучино.

– Кто это был? – спросила Вика без особого интереса. Кажется, собственное лицо занимало ее гораздо больше, чем мои дела. Что ж, тем лучше.

– Это по работе, – ответил я будничным тоном.

Вика поправила стоящее перед ней на столе зеркало и обмахнула кисточку в коробочку с чем-то блестящим.

– Что-то случилось? – уточнила она.

– Нет, не особо. Но, похоже, мне придется ненадолго уехать.

– На сколько?

– На неделю. Может, на две. Пока не ясно.

На Викином лице проступила досада, хотя эта хитрая бес-тия тут же попыталась ее скрыть. И, кажется, я знаю, чем она недовольна. Через неделю у ее отца юбилей. Вика возлагает на этот день большие надежды. Она почему-то решила, что я воспользуюсь красивой датой, чтобы попросить у Алмазова старшего ее руки. Даже разок намекала мне на это. Но я сделал вид, что не понимаю намеков.

Нет-нет, Вика замечательная, и я, в принципе, не прочь когда-нибудь потом на ней жениться. Но сначала нам не мешало бы узнать друг друга чуточку лучше. Знакомы мы всего полгода, спим вместе и того меньше. Встречаемся в основном в ресторанах и клубах, большую часть совместного вре-

мении проводим вне дома. Это неправильно. На людях человек совсем не такой, как за закрытыми дверями.

Около месяца назад я предложил Вике переехать ко мне. Надеялся, что это нас сблизит, позволит познакомиться со слабостями друг друга. Но не тут-то было. Вика оскорбилась, в ее глазах засверкали молнии.

«Запомни, Беркутов, я не из тех, кто устраивает мужчине демо-версию брачной жизни, – пылко заявила она. – Любишь – женись. Жить на одной территории с женщиной без печати в паспорте я не стану. Не так воспитана».

Ее реакция меня чрезвычайно покорила. Реально не ожидал, что она так взбесится. И все бы ничего, но с тех пор Вика постоянно в каком-то напряженном ожидании. На прогулке мне даже страшно останавливаться, чтобы шнурок завязать. Каждый раз кажется, что Вика тут же бросится мне на шею с криком: «О да! Конечно, я выйду за тебя, Беркутов!»

– А куда ты поедешь? – очередной Викин вопрос застал меня врасплох.

– Что?

– Куда ты собираешься поехать? – переспросила она.

– В Сочи. – Я напустил на себя безразличный вид, полез в холодильник за молоком.

– Куда? – Викин голос моментально изменился, наполнился любопытством. – Вы что, хотите и в Сочи открыть пару магазинов?

– Может быть, – буркнул я и вернулся к кофемашине.

Вика отложила кисточку и уставилась на меня с неподдельным энтузиазмом.

– Беркутов, это все меняет. Я хочу с тобой в Сочи.

– Зачем? Я же туда не отдыхать еду. Работать.

– Ну и отлично! Пока ты будешь заниматься своими делами, я буду на пляже и на экскурсиях. – Вика распустила волосы и игриво улыбнулась. – А вечером я помогу тебе расслабиться после тяжелого трудового дня...

– Нет, солнце. Не надо. Ты будешь меня отвлекать.

– Да брось! Я уверена, что мы отлично проведем время. – Она встала из-за стола и подошла ко мне. Скользнула ладонями по спине.

И вот как сделать, чтобы она отстала, но не обиделась? Я почти завис, но в этот момент на выручку пришел смартфон. Он разразился бойкой, веселой трелью.

– Извини, – буркнул я и, подхватив смартфон с разделочного стола, вышел из кухни.

Звонила мама.

– Я уже переговорила с Матвеем, – поделилась она, как только я ответил на ее звонок. – Все нормально. Завтра утром он уже вылетит в Иркутск.

– Быстро вы...

– Я же говорила, что он не откажет! – торжествующе констатировала мама. – А сейчас я собираюсь сделать внушение твоему отцу. Напомню, как давно ты не был в отпуске.

– Не надо, мама, я сам. – Ее чрезмерная активность меня

напрягла. —

Я сам все улажу, а ты отдыхай, сходи на массаж, к косметологу, встретиться с подругами.

— Тебя что-то тревожит? — Мать моментально уловила мое недовольство.

— Я просто не люблю, когда у меня путаются под ногами.

— Понятно, — хмыкнула она. — Сам так сам. Только я еще отправила тебе ссылки на соцсети той девушки. Посмотришь?

— Обязательно.

Позади меня что-то грохнуло. Я оглянулся. В коридоре стояла смущенная Вика, поправляла торшер. Видимо, она зацепила его плечом.

— Ты чего? — спросил я нарочито безразлично.

— Я только спросить, — пробормотала Вика. — Может, хочешь омлет? Я могу пожарить.

— Нет, спасибо, Викусь. Я не голодный.

— Ладно, — сдавленно пискнула она и тут же вернулась на кухню.

Вот уж не думал, что она решится подслушивать. Неужели уже что-то заподозрила? Только этого мне и не хватало. К сожалению, я совсем не умею врать: как-то раньше не было надобности практиковаться в подобных умениях.

Перекинувшись еще парой фраз с мамой, я свернул беседу и вернулся к кофемашине. Вика стояла у окна и выгляде-

ла погруженной в свои мысли. Я понадеялся, что разговор о совместной поездке закрыт. Даже начал что-то насвистывать себе задорное.

Вот только стоило мне протянуть Вике чашку с кофе, как она снова уставилась на меня игриво.

– Так что, Беркутов, ты возьмешь меня с собой?

Трындец какой-то! Я еще в глаза не видел подружку брата, а уже поперли проблемы. И уже стыдно. Вика так мне доверяет во всем, а я...

Немного подумав, решил изобразить сноба, сказал:

– Викусь, ну что ты забыла в этом Сочи? Как будто не знаешь, что все наши курорты – большая помойка. Там же еще средневековые порядки, канализацию сливают в море...

Она задумалась, закусила губу, я же поспешил дополнить свой неумелый черный пиар рацпредложением:

– Солнышко, давай так договоримся: сейчас я быстро, без помех переделаю свои дела в Сочи, а потом мы вместе махнем на неделю в Черногорию? Или в Испанию. Куда тебе захочется.

– Обещаешь? – Вика сразу повеселела.

– Конечно.

Она встала со своего места, подошла ко мне и уселась на мои колени.

– Я буду скучать, – призналась она.

– Я тоже буду скучать. И очень сильно.

– Возможно, я даже буду флиртовать с другими мужчина-

ми, – с улыбкой пригрозила Вика.

– Не страшно. Главное, знаешь, что?

– Что?

– Не делай ничего с лицом. Сюрприз, который ты мне устроила после моей прошлой командировки, меня не порадовал.

Она напряглась, конечно, но я не мог этого не сказать. В мою прошлую командировку Вика увеличила себе губы. Ей все довольно аккуратно сделали, но меня это не порадовало. Мне нравились ее прежние губы, к новым пришлось привыкать.

– Беркутов, ты хочешь меня обидеть?

– Нет, мне просто нравится твое лицо, и я не хочу, чтобы ты что-то в нем меняла.

Она ухмыльнулась.

– Не волнуйся: все, что я хотела сделать с лицом, я уже сделала.

– В смысле?

Вика, кажется, пожалела о сказанном. Впрочем, она умела быстро возвращать себе самообладание.

– Почему ты так удивлен? – спросила она с иронией. – Да, представь, я сделала несколько пластических операций. Сейчас их все делают.

– Почему ты раньше не рассказывала?

– В женщине должна быть загадка, не слышал? – Она игриво повела плечами.

Не знаю почему, но мне стало неприятно. Как будто от меня специально утаили довольно важную информацию.

– Как-нибудь покажешь детские фото? – спросил я, когда справился с замешательством. – Должен же я убедиться, что ты не родилась мальчиком.

– Вот еще! – Вика соскочила с моих колен и потрепала меня по волосам. – Томись в неизвестности.

– О'кей, – хмуро констатировал я. – И все же давай до конца обсудим мои тревоги. Приятно, конечно, что с лицом больше сюрпризов не будет. А вот что с телом? Я могу рассчитывать на то, что изменениям не подвергнется какая-то другая его часть? Например, грудь.

Вика притворно вздохнула и закатила глаза.

– Не волнуйся, Беркутов. Грудь я собираюсь делать после родов.

– После каких родов? – моментально занервничал я.

Она расхохоталась.

– Что, напугался? Расслабься. Это я так, просто рассуждаю. На будущее.

– Знаешь, милая, иногда не стоит далеко загадывать.

– Позволь с тобой не согласиться, – буркнула она и ушла в спальню – не то обиделась, не то просто устала от моего общества.

К девяти я отправился на работу. Вика поехала домой, сегодня она решила сделать себе выходной. В последнее время она частенько вот так, среди недели, отдыхала. А еще по-

стоянно жаловалась, что ей осточертела сеть кондитерских, владелицей и директором которых она являлась.

– Продай эту свою сеть! – несколько раз предлагал я, но Вика тут же начинала ныть, что кондитерские – подарок отца, и папа не поймет, если она от них избавится.

Как хорошо, что у меня таких проблем нет! Я являюсь правой рукой отца, с двадцати лет вхожу в совет директоров созданной им торговой компании и ни разу не пожалел о том, чем занимаюсь. Я без ума от своей работы. Могу заниматься ей сутки напролет без всякой усталости.

Припарковавшись перед офисом, я не удержался и полез проверять присланные мамой ссылки. Почему-то вдруг захотелось узнать, как выглядит девчонка, охмутившая моего брата.

Сначала я открыл на айфоне страничку Пальмы в «Контакте». Фотографий там было много, но преобладали пейзажные. Морской берег, лысые кусты, скалы. Все довольно странное, словно проникнутое дурными предчувствиями. Интересно, эта Мия случайно не ку-ку? С Матвея станется запасть на сумасшедшую.

Я несколько раз прокрутил вниз. Наконец начали попадаться снимки каких-то девушек. Я, было дело, оживился, но, почитав комменты к фоткам, понял, что Мии на них нет.

Устав листать, отыскал страницу брата и только там наконец смог увидеть чертову девку, из-за которой мне придется тащиться в Сочи. На не слишком четком снимке брат обни-

мал «свою музу» за талию и выглядел счастливым идиотом. Глаза его буквально лучились.

А вот сама Мия оказалась обычной серой мышью, каких вокруг просто тысячи. Я даже ощутил укол разочарования. Взгляду совсем не за что было зацепиться: темно-русые волосы, собранные в хвостик, нос картошкой, невразумительного цвета глаза. Из достоинств у девушки, кажется, была лишь стройная фигурка. Впрочем, и она терялась за уродским, в цветочек, сарафаном.

М-да, похоже, в Сочи напряженка с девушками. В Москве Матвей в жизни бы не опустился до такой деревенщины.

Глава 2. Мия

Не люблю шопинг. Каждый раз тяну до последнего, но не иду в магазин. Папа ругается, говорит, что нужно уделять больше внимания внешнему виду – я же с людьми работаю. Ха-ха. Сам-то он не слишком жалуется ни людей, ни магазины, но мне давать советы, конечно, горазд.

На днях прицепился как клещ: «Мия, ты же у меня красotka, почему ты не хочешь это подчеркнуть?». И не объяснить ему, что я до печенок ненавижу бесконечные примерки. Если бы не Настя, вызвавшаяся помочь мне обновить гардероб, я бы все лето ходила в старом сарафане. Да-да!

Настя – спец по шопингу. Ей достаточно лишь мельком взглянуть на платье, чтобы понять, пойдет оно мне или нет. Я так не умею и, наверное, уже не научусь. Отчасти это даже странно. И я, и Настя вроде занимаемся одни делом – учим детей рисовать, но она словно пришпилена к реальности, а я вечно где-то витаю. Мне ведь не только с одеждой тяжело, с мебелью я тоже не дружу. Вечно врезаюсь в столы и ушибаю мизинцы об тумбочки. Папа утверждает, что по моим синякам можно определить, что вокруг и с какими углами. Но мебель – это все же ерунда. А вот одежда...

Сегодня я и Настя провели в торговом центре всего три часа, но купили все-все, что мне нужно: и белье, и сарафаны, и две пары новых босоножек.

В качестве благодарности за помощь я решила угостить подругу кофе. На фудкорте было довольно свободно, так что мы без труда нашли себе столик. К любимому ореховому латте я взяла тирамису, а Настя – конфету ручной работы – крохотную такую корябушку из сухофруктов. Даже в отпуске подруга, не покладая рук, боролась с «лишними» килограммами. Пфф! Как будто они у нее есть.

Конфету Настя ела с несчастным лицом. У нее, в принципе, с момента нашей встречи настроение было не очень, но тут оно словно стало хуже. Так сказать, забилося в конвульсиях. Само собой, я не удержалась и спросила, с каких щей подруга такая потухшая. Настя пожала плечами и на пару минут сделала вид, что все нормально.

Я стала оглядывать людей вокруг и отпускать смешные замечания. Обычно Настя всегда ржет над моими шутками, но сегодня лишь натянуто улыбалась. Мое собственное настроение тоже покатилося под горку. Почему-то начало казаться, что Настя обиделась. И не на кого-нибудь, а именно на меня.

Я несколько раз перебрала в голове все, что сегодня говорила, но так и не поняла, чем могла задеть подругу. А потом у меня зазвонил телефон. Достав его из сумочки, я чуть замешкалась.

– Кто? – проявила неожиданное любопытство Настя.

– Матвей.

Она сразу переменилась в лице и подскочила на ноги.

– Я, пожалуй, схожу еще чего-нибудь возьму. Может, даже

пончик.

Я хотела попросить, чтобы она и мне взяла вкусенького, но Настя уже унеслась прочь. И что это значит?

С трудом поборов дурные предчувствия, я прижала телефон к уху.

– Да?

– Мия? Привет! Как у тебя дела?

Я буркнула в ответ что-то невразумительное, и Матвей тут же обрушился на меня с пламенной речью:

– Слушай, выручай! Мне не к кому больше обратиться. Мне срочно нужно уехать на две недели, а за Борисом некому присмотреть. Ты не могла бы раз в день его проводывать? Так не хочется определять Борьку в гостиницу: он у меня еще тот мизантроп и нервничает, когда чужие рядом.

– А почему ты не попросишь Настю? – Я нашла взглядом напряженную спину подруги.

Матвей вздохнул.

– Мы расстались. Она тебе не говорила?

– Нет.

На несколько секунд повисла пауза, а потом Матвей решил соскользнуть с темы:

– У меня самолет завтра утром, так что мне надо скорей решить вопрос с Борей. Пожалуйста, скажи прямо сейчас, могу я на тебя рассчитывать или нет?

– Даже не знаю... – забубнила я. Не то, чтобы мне было трудно помочь, нет. Скорей, я разволновалась из-за подруги.

Если между ней и Матвеем не все гладко, Настя обидится на меня за то, что я тут волонтерю.

– Мийчонок, я тебе заплачу за помощь. Ты не думай, что я бесплатно хочу тебя напярчь, – поспешно добавил Матвей.

Вот тут я почти оскорбилась.

– Не надо мне денег. Просто... Может, вы с Настей еще помиритесь?

– Нет, между нами все кончено. Это точно.

– Да ладно тебе! – Я как-то сама собой включила «психолога». – После ссоры обида всегда застилает глаза, но стоит эмоциям улечься...

Матвей не дал мне договорить:

– Мия, пожалуйста, выручай! Борис требует именно тебя. Я прыснула смехом.

– Прямо так и требует?

– Конечно! Вот послушай, как орет.

Через пару секунд в трубке раздалось истошное мяуканье. Интересно, как Матвей его добился? Наступил Борьке на хвост?

Я закусила губу. Ну и как отказать этой веселой парочке? К тому же я просто обожаю кошек! Жаль, что у папы аллергия, и мы не можем завести себе одну. Хотя я нашла отдушину – прикармливаю соседских котов, что изредка забредают на наш участок.

– Он тебя убедил? – снова послышался в трубке голос Матвея.

– Ага, – согласилась я. – Убедил. Присмотрю за ним, не волнуйся. Только ты мне подробные инструкции составь, как и чем кормить.

– Обязательно. Ты сможешь приехать ко мне сегодня вечером? Часам к семи? Я передам тебе ключи от квартиры и все расскажу.

– Ладно, – ответила я, и мы тут же распрощались.

А потом на меня опять накатили сомнения: может, зря я согласилась? Как-то неловко помогать парню, который, возможно, обидел мою лучшую подругу.

Спустя минуту Настя вернулась к столу – еще мрачней, чем была, и с пустыми руками.

– Почему ты не сказала, что поцапалась с Матвеем? – тут же накинулась я. Мне не терпелось выяснить все-все об их ссоре.

Однако Настя проигнорировала мой интерес. Она только дернула плечом и изобразила лицом что-то непонятное.

– Насть, ну не томи! – взмолилась я. – Рассказывай, что у вас случилось.

Мне очень хотелось помирить подругу с ее парнем. Я прямо на дух не переношу, когда в моем окружении кто-то ссорится.

Настя сделала глоток кофе, а потом все же решилась на откровенность:

– Матвей, решил поставить наши отношения на паузу.

– Что? Зачем? У вас же вроде все хорошо было...

Глаза Насти сузились до крохотных щелочек.

– А то ты прямо и не догадываешься, почему он так поступил? – спросила она ядовитым тоном.

– Я? Конечно, не догадываюсь. Я же не экстрасенс.

– У него чувства к другой, – усмехнулась Настя, а я даже рот открыла от удивления.

– Ты уверена?

– Более чем. Фото этой другой он себе даже на рабочий стол ноутбука поставил. Я случайно увидела.

– Ничего себе! – У меня сердце сжалось от сочувствия к Насте. – Ты ее знаешь?

– О да, Мия, я ее очень хорошо знаю. Прямо как себя.

Меня в ту же секунду чуть не разорвало от любопытства.

– Серьезно? Боже мой! И кто она?

Бам! Это Настя с остервенением шмякнула на стол стакан кофе.

– А может, хватит изображать тут конченную идиотку? – рявкнула она.

Я растерялась. Почему она так смотрит? Как будто готова убить.

– Насть, я правда не понимаю, что у вас случилось, – поспешила заверить я. – Матвей мне ничего не сказал. Только за котом попросил присмотреть. И мне очень жаль, что у вас так вышло. Я бы хотела помочь, но...

– Не надо мне помогать, дорогая. Вот от тебя мне вообще ничего не надо больше. Не волнуйся, я как-нибудь справ-

люсь со своими чувствами. Но дружить... – Голос Насти чуть дрогнул. – Дружить мне с тобой, кажется, будет трудно. Зря я все-таки сегодня согласилась идти с тобой по магазинам. Я не святая. Мне это тяжело. Давай, наверное, пока некоторое время не будем общаться.

Ее слова так меня потрясли, что я на мгновение даже потеряла дар речи. А когда он вернулся, тут же затараторила:

– Насть, ты чего? Какая муха тебя укусила?

Подруга встала из-за стола и подхватила свой пакет.

– Пойду я, пожалуй, домой. А ты, давай, беги к своему Ромео, он, поди, уже заждался.

– Что? – Я тоже подскочила на ноги и схватила подругу за плечо. – Насть, ты что несешь? Какой еще Ромео?

– Я про Матвея, – с раздражением пояснила она. – Иди к нему. Теперь вам больше ничего не мешает быть вместе. Можете даже считать, что получили мое благословение.

Господи, что вообще происходит? Еще ни разу подруга не несла подобную околесицу. Может, у нее такая странная реакция на стресс? Или...

– Насть, ты принимала сегодня какие-нибудь препараты? Алкоголь?

Глаза Насти удивленно распахнулись.

– Да ладно? Ты, серьезно, не в курсе? – тихо выдохнула она. – Не может такого быть.

Она скинула мою руку и, снова сев за стол, сделала пару глотков кофе. Ее лицо немного повеселело, но я больше не

лезла с вопросами. Пусть Настя сначала немного успокоится, а потом мы все проясним.

Она сделала еще глоток латте, а потом задвинула за ухо упавшую на лицо прядь.

– Неужели ты правда ничего не знаешь? – переспросила она. – Не могу в это поверить. Хотя ты же у нас такая... воздушная. Может, на самом деле, ничего не заметила.

– А что я должна была заметить? Что?

– То, что Матвей запал на тебя. – Настя всхлипнула.

У меня даже ноги подкосились.

– Насть, ну что ты такое говоришь? – пробормотала я. – Это даже не смешно. Он тебя любит, а я для него просто друг.

Она украдкой стерла пальцами навернувшиеся на глаза слезы и снова вскочила.

– Нет, я все же пойду. Извини, конечно, но мне сейчас надо побыть одной.

– Насть... – Я качнулась в ее сторону, но она так на меня посмотрела, что внутри все оборвалось.

– Пока, – сказала подруга через силу. – Я позвоню. Потом как-нибудь.

Она ушла, а я села за стол и схватилась за голову. Неужели подруга права, и Матвей, в самом деле, в меня влюбился? Какой ужас!

Закинув домой покупки, я решила идти к Матвею пеш-

ком. До его дома было не очень далеко, а мне требовалось проветриться. На душе скребли кошки.

Неужели Настя теперь не будет со мной дружить и общаться? Но ведь это не честно! Ее Матвей мне совсем не нужен, и я не делала ничего для того, чтобы он обратил на меня внимание. Или делала?

Я в страхе стала перебирать воспоминания, чтобы понять, не вела ли себя когда-нибудь провокационно.

Настя познакомилась с Матвеем месяца четыре назад. В «Тиндере». Это я ее подтолкнула там зарегистрироваться. Подруга у меня красивая, но скромная, потому с парнями ей не слишком-то везет. Они как бы есть, но поголовно – полные придурки и бабники.

Мы с Настей еще и работаем в таком месте, где приличные холостые мужчины, в принципе, не водятся, – в художественной школе. Хотя меня отсутствие холостяков в окружении никогда не угнетало, но то я. А Настя не такая, ей нужно внимание для того, чтобы цвести и пахнуть. Прошлой осенью с ней прямо депрессняк случился из-за дефицита нормальных кавалеров. И тогда я сказала ей: «Эй, двадцать первый век на дворе! Попробуй поискать хорошего парня в интернете».

Надо признаться, что сначала я даже немного пожалела о своем предложении. Первые пару недель к Насте в «Тиндере» лезли исключительно моральные уроды. Понаписали ей столько гадостей, что у подруги даже самооценка пошатну-

лась, а вера в человечество так вообще скончалась в страшных муках. Но потом Настя познакомилась с Матвеем, и все сразу стало хорошо. Он очень красиво за ней ухаживал: устраивал романтические ужины, осыпал ее подарками.

Настя от природы довольно бледная, и, когда хандрит, тут же обзаводится темными кругами вокруг глаз. А тут она прямо светиться начала. И загорела немного – Матвей постоянно возил ее на пикники. Вот только из-за последних мы с Настей совсем перестали видеться. На работе-то, конечно, встречались, но там разве поговоришь по душам? Нет.

Я ужасно скучала по подруге, а она, кажется, скучала по мне.

Как-то раз (уже март заканчивался) Настя позвонила и говорит:

– Мия, давай собирайся – ты едешь с нами на водопады!

Я открыла рот, чтобы отказаться (стремно это – быть третьим лишним на чужом свидании), но Настя стала бурчать, что обидится, если я не поеду. А еще она сказала, что Матвей возьмет с собой приятеля, и было бы неплохо нам понравиться друг другу. Тогда бы мы могли ездить куда-то вчетвером.

Обзаводиться персональным мужчиной мне не очень хотелось, а вот провести время с подругой я была не против. Потому и согласилась на поездку. А, видать, не стоило. Точно не стоило.

Приятель Матвея оказался довольно скучным малым,

неспособным поддержать беседу. Он этой беседой, в принципе, не интересовался. Все время нашего пикника он лазал по окрестностям и щелкал фотоаппаратом. А вот Матвей произвел на меня приятное впечатление: начитан, галантен, умеет пошутить. И еще он очень интересно рассказывал о своей работе.

Как оказалось, Матвей зарабатывал на жизнь, снимая свадьбы и всякие футажи. Футажи – это такие короткие видеосфрагменты, которые можно вставить в рекламный ролик или видеоклип. Их продают на специальных сайтах – видеостоках. Я вот раньше даже не задумывалась о том, как делают рекламу, потому слушала Матвея открыв рот.

Перекусив, мы решили немного прогуляться вдоль реки. Настя взяла меня за руку и потащила вперед (ей хотелось обсудить со мной кое-какие сплетни), а парни плелись сзади.

В какой-то момент Матвей нагнал нас и сказал:

– Девчонки, я все ломал голову, кого же вы мне напоминаете, а сейчас вдруг понял. Вы вдвоем как Белоснежка и Краснозорька из сказки.

– Точно! – с улыбкой согласилась Настя. – Я – Белоснежка, потому что беленькая, а Мия – Краснозорька. Осталось нам только медведя подыскать.

– Не надо медведя, – запротестовала я. – Он нас съест.

Матвей втиснулся между мной и подругой и приобнял нас обеих за плечи.

– А давайте я как-нибудь сниму вас вот так – вдвоем, –

предложил он. – По-моему, выйдет круто.

Настя посмотрела на меня заискивающе. Ей ужасно хотелось быть полезной своему новому парню.

– Мия, соглашайся, – стала уговаривать она. – Повеселимся от души!

– Так я и не против, – закивала я. – Будет, кстати, забавно, если видео с нами купят для какой-нибудь рекламы. Например, йогуртов.

– Главное, чтобы нас не вклеили в рекламу тампонов, – прыснула Настя. – Или ежедневок. В рекламе ежедневок постоянно какие-то девчонки вроде нас кружатся в хороводах.

– Нет, тампоны не страшно, – подхватила я. – А, помнишь, такая реклама была: «Это Вика. Она классная и еще не знает, что у нее сифилис». Вот в такой ролик точно попасть не хочется.

Настя скорчила смешную рожицу, а Матвей тут же выудил из кармана телефон и стал по календарю подбирать день для съемок.

Немного посоветовавшись, мы решили снимать уже в следующую субботу. Впрочем, одним днем мы не ограничились. У Матвея постоянно возникали новые идеи, в воплощении которых я и Настя могли поучаствовать.

Мы стали встречаться для съемок регулярно, почти каждую неделю. Сделали серию футажей в кафе и на пляже, отсняли кучу видео на спортивных площадках и в парках.

Дважды Матвей предлагал мне деньги за съемку, но я от-

некивалась. Мне было неудобно. Я же просто кривлялась перед камерой – за что мне платить? Вот только Матвей, наверное, не хотел оставаться в долгу передо мной. После съемок он частенько вез меня и Настю в ресторан или к себе, кормил всякими деликатесами.

Ох, лучше бы я брала у него деньги, а не таскалась по ресторанам! Хотя... Тогда я не чувствовала, что делаю что-то неправильное. Матвей держался со мной просто, по-дружески. Мне и в голову не приходило, что у него могут вспыхнуть ко мне какие-то чувства.

А, может, Настя ошиблась? Может, и нет ничего? Мало ли зачем Матвей поставил мое фото на рабочий стол: творческие люди такие непредсказуемые!

Матвей жил в красивом новом доме с огромными балконами. Окна его квартиры выходили на море. А еще в его доме был шикарный панорамный лифт. Оказавшись в нем, я, как обычно, прикинула к стеклу. Вид из лифта открывался шикарный. Море блестело на солнце, словно чешуя пираний, а пальмы, растущие на улице, с высоты казались махонькими и смешными.

В лифте было чуток жарковато, и мои пальцы сами потянулись к верхней пуговке рубашки. Хотелось хоть немного ослабить ворот, но я тут же себя одернула. Вот так я, наверное, и влипаю в неприятности: здесь расстегнула пуговицу, там слишком кокетливо улыбнулась...

Выйдя из лифта, я постаралась напустить на себя деловой вид. Проблемы с подругой мне не нужны, так что впредь буду аккуратней. Буду держаться с Матвеем максимально отстраненно, чтобы он и не вздумал ко мне подкатывать. Все, что может нас с ним связывать, – это помощь Борьке.

Я только поднесла пальцы к звонку, как дверь передо мной распахнулась. На пороге появился Матвей.

– Спасибо, что пришла! – сказал он и широко улыбнулся.

Я невольно улыбнулась в ответ.

М-да, кажется, я неисправима. Но у меня есть оправдание: Матвей напоминает мне отца на старых фотографиях. У него даже ямочки на щеках точь-в-точь как у папы. Когда я их вижу, на душе сразу теплеет. И, разумеется, у меня не получается вести себя холодно и официально. Но я все-таки постараюсь.

Стерев с лица улыбку, я сухо поздоровалась. Матвей отошел, давая мне войти.

Как только я переступила порог, в прихожую выбежал Борис, стал тереться о мои ноги. Я тут же подхватила его на руки, радуясь появившейся возможности не смотреть на хозяина квартиры.

Так-так... Кажется, кот немного поправился со времени моего последнего визита к Матвею. Вообще, жил он у Настинного парня не так уж долго – месяца четыре. Матвей подобрал его у какой-то турбазы. Кот побирался там у туристов, методично тощал и облазил в разных местах. Тем не менее,

суровая жизнь не выбила из него врожденный дух аристократизма. Уже через месяц после заселения к Матвею кот оброс свежей рыжей шерсткой и стал смотреть на хозяйских гостей с ноткой превосходства.

Он никому не позволял себя гладить, а вот для меня почему-то делал исключение. Сейчас он тоже сразу наклонил голову, подставляя мне чуть обкусанное с краю ухо. Я, конечно, не преминула за этим ухом почесать, и кот благодарно замурлыкал.

– Показывай, что и как! – велела я Матвею, делая вид, что спешу.

Матвей кивнул и тут же стал водить меня по квартире. Сначала мы минут десять толклись в ванной комнате и толковали о лотке, потом перешли на кухню. Матвей показал, где какая еда хранится, и рассказал, как ее давать. Борька оказался парнем привередливым: корма не жаловал. Мне пришлось отваривать ему треску и индейку, а по выходным готовить паштет из кролика.

– И еще вот! – Матвей неожиданно выудил откуда-то пачку денег. – Это тебе за заботу.

– Не надо, – запротестовала я, но Матвей наглым образом всунул деньги в карман моих джинсов.

– купишь себе что-нибудь красивое, – пробормотал он и вдруг так посмотрел, что внутри меня все обмерло. Неужели Настя права?

– Ах, да! Еще ключи! – спохватился Матвей и тотчас схо-

дил за ними в прихожую. – Верхний замок открывается туго, не пугайся.

Он протянул мне связку на открытой ладони: один длинный ключ и два маленьких. На большом кольце, соединяющем ключи, висел брелок в форме сердца. При виде последнего мне почему-то стало не по себе.

В жесте Матвея было что-то символичное. Я замешкалась, но, образовавшаяся, пауза только добавила неловкости. Брелок чуть блеснул от скользнувшего по нему луча.

Наверное, лучше сделать вид, что я не понимаю намеков. Прикинуться валенком.

Украдкой вздохнув, я постаралась забрать ключи так, чтобы не коснуться руки Матвея. Но когда мои пальцы уже подцепили брелок, Матвей накрыл их другой ладонью.

– Спасибо еще раз, – сказал он, пристально глядя мне в глаза.

– Не за что, – сдавленно пробормотала я и тут же одернула руку.

Борька почему-то занервничал – пришлось его отпустить. Спрыгнув на ковер, кот начала лениво вылизывать бок.

– Ну, я пойду, – пробормотала я, краснея. – Вроде все понятно. Если будут вопросы, позвоню.

– Подожди! – Матвей рукой преградил мне путь в прихожую. – Это еще не все.

Наверное, мне стоило извиниться и наврать, что опаздываю куда-нибудь, но я этого не сделала. Во взгляде Матвея

читалась мольба.

– Вспомнил еще что-то? – уточнила я слабым от волнения голосом.

– Я хотел спросить у тебя совета. Это касается Насти.

– Да? – Я почувствовала себя идиоткой. Господи, навдудывала тут всякого: намеки какие-то, взгляды... А Матвей просто хочет помириться с девушкой, восстановить мир.

В груди разлилось приятное тепло.

– Какой ты хочешь совет? – спросила я, плохо скрывая вздох облегчения. – Спрашивай! Я всегда рада помочь.

– Ну не в коридоре же беседовать. – Матвей улыбнулся. – Пойдем на кухню, выпьем чаю и нормально потолкуем.

– Мяс! – одобрил Борька и первым ринулся в сторону кухни.

Через пять минут я уже сидела за столом с большой чашкой в руках. Матвей выставил передо мной несколько корзиночек с печеньем и тарелку с разным сыром. Я так расслабилась, что даже сцапала кусок пармезана и сунула его в рот.

– И что там с Настей? – спросила я, еще толком не прожевав.

– Мы расстались, – спокойно ответил Матвей. – Потому что я люблю другую. Тебя.

Разумеется, я подавилась, закашлялась и даже немного пролила на Борьку чай. Борька испугался, а Матвей остался невозмутимым, ни один мускул на его лице не дрогнул из-за моей реакции.

– Я понимаю, что для тебя это немного неожиданно, – признал он, когда я наконец перестала кашлять. – Но сегодня я просто не мог этого не сказать. Я хочу быть с тобой, Мия.

Я отставила чашку в сторону и нахмурилась.

– Матвей, между нами ничего не может быть. Ты для меня просто друг.

– Ты говоришь так из-за Насти, я знаю, – мрачно отозвался он. – Привыкла воспринимать меня парнем подруги, но время все исправит.

– Ничего оно не исправит. – Я почувствовала, как в груди поднимается раздражение. – Говорю тебе! У меня нет к тебе никаких чувств кроме дружеских.

На несколько секунд повисла пауза, а потом Матвей стал невероятно серьезным.

– Я тебя добьюсь, – пообещал он. – Чего бы мне это не стоило.

– Но я не хочу, чтобы меня добивались. Что за глупости? – Я поднялась из-за стола и посмотрела на Матвея с укором. – Пожалуйста, выкинь меня из головы.

– Я пытался, – тихо признался он. – Но ничего не вышло.

– Тебе просто надо отвлечься. На сколько ты уезжаешь?

– На две недели.

– Замечательно! Думаю, этого хватит, чтобы проветрить мозги и осознать, что мы не пара. А за Борьку не переживай, – я стала медленно пятиться в прихожую. – С ним все будет хорошо.

Матвей резко встал со своего места и сгреб меня в объятия. Я немного испугалась, но постаралась не выдать себя.

– Отпусти! – попросила я почти спокойно.

– Мийчонок, пожалуйста, дай мне шанс. Разве я так много прошу? Просто не отталкивай меня. – Он смотрел на меня с надеждой, сжимал в руках так крепко, что было тяжело дышать.

Я попыталась высвободиться из его объятий, но не получилось.

– Матвей, насильно мил не будешь, – напомнила я, стараясь не паниковать.

– Я умею красиво ухаживать. И буду ждать, сколько потребуется.

– По-моему, ты просто идиот! – выпалила я.

Он вдруг сам отстранился, посмотрел снисходительно.

– Ты из-за Артема такая колючка, да? Решила больше никому не доверять?

Меня бросило в жар.

– Откуда ты знаешь? – спросила я. – Про Артема?

– Настя рассказала, – Матвей некрасиво поморщился, словно ему было крайне неприятно вспоминать про мою подругу. – Но ты напрасно думаешь, что все парни такие же, как твой бывший. Я – другой. Я тебя никогда не предаю.

Я вдруг ужасно разозлилась: и на Матвея, и на Настю, так спокойно выбалтывающую подробности моей личной жизни. Меня прямо затрясло.

– Думаю, на сегодня хватит разговоров, – сердито буркнула я. – Ты сказал все, что хотел. И услышал мой ответ. Теперь постарайся как-то с этим ответом примириться.

– Но я ведь еще не сказал главного... – начал Матвей, но я не стала слушать. Развернулась и пулей вылетела из квартиры.

Жизнь – штука полосатая, и обычно за неприятностями всегда идет что-то хорошее. Но сегодня явно был не мой день. Вернувшись домой, я поссорилась еще и с папой.

Сначала ничего не предвещало беды. Когда я вошла в дом, папа, развалившись на диване, смотрел на кухне телевизор. Лицо его казалось слегка осунувшимся. В последнее время папа много работал и мало ел – меня это напрягало.

– Ты ужинал? – спросила я, споласкивая руки после улицы.

– Да, я доел борщ, – пробормотал папа и почему-то тут же отвел глаза.

– Чаю будешь?

– Нет.

– А я выпью, – решила я и достала из буфета заварку с ароматом манго.

Чайный пакетик был упакован в отдельную обертку, видимо, для того, чтобы не терять своих пахучих свойств. Я разорвала фольгу и открыла кухонный шкафчик, чтобы выкинуть ее в мусор, но тут же застыла на месте. В мусорном

ведре валялись пирожки. Много.

Я выставила ведро из шкафчика и, строго посмотрев на папу, спросила:

– Это что?

– Опять эта блаженная приходила. – Он поморщился. –

Принесла.

– Ты про Тамару Сергеевну?

– Ну да.

– А зачем ты все выкинул? Тамара Сергеевна очень вкусно печет, чтоб ты знал.

– Она мне не нравится, – ответил папа. – Зачем она все время к нам лезет?

– Просто хочет поддержать.

– Мы не нуждаемся ни в чьей помощи.

Я закатила глаза. Вот вечно папа такой. Тамара Сергеевна – наша соседка, милая, скромная женщина. Да, возможно, она влюблена в папу, но особенно не навязывается, просто изредка приносит нам гостинцы. Папа на них реагирует грубостью, и мне постоянно за него стыдно.

– Ты не мог бы в следующий раз ничего не выкидывать? – строго попросила я. – Если ты не хочешь пирожков, это не значит, что никто не хочет. Я с удовольствием все съем.

– Мия, твоя доброта тебя погубит. – Папа рассердился.

– В каком смысле?

– Ты вечно боишься ранить чувства других людей и этим самым притягиваешь неприятности.

Мне стало не по себе. Неприятности я точно притягиваю, но не добротой же?

– Если я буду расшаркиваться с Тамарой, она нафантазирует себе всякого, привяжется, – хмуро констатировал папа. – Зачем давать ей ложную надежду на взаимность?

– Ну, ты мог бы и присмотреться к ней немного... – замямлила я, но папа тут же перебил.

– И не подумаю. Эта женщина мне не интересна. Чем быстрее она это поймет, тем лучше для нее.

Я подошла к дивану и присела рядом с отцом. Он едва заметно отодвинулся. Мозг это сразу уловил, и сердце забилося чаще. Но, конечно, я ничего не сказала.

Папа покачал головой.

– Мия, запомни: иногда с людьми нужно быть жестокой. Для их же пользы.

– Я не умею.

– Учись.

Я тряхнула головой и только собралась отшутиться, как заметила за диваном бутылку из-под пива. Под ложечкой похолодело. Вот, значит, зачем папа держит дистанцию, – чтобы я не уловила запах алкоголя.

Папа проследил за моим взглядом и тут же напрягся.

– Это всего лишь пиво, Мийчонок. Имею же я право хоть немного расслабиться после работы?

– В прошлый раз ты тоже начал с пива.

– Сейчас совсем другое. Я не собираюсь снова начинать.

Я поднялась с дивана и отошла к окну. Грудь словно в тисках сдавило, голова стала ватной от дурных предчувствий.

– Не надо делать такой трагический вид! – рассердился папа. – Я всего лишь бутылочку пива «раздавил», а не валяюсь тут в отключке.

– Ты не пил четыре месяца восемнадцать дней, – тихо констатировала я.

– Что? – На папином лице проступила досада. – Ты считаешь, сколько я не пью? Каким образом? На календаре дни зачеркиваешь?

– Мне не нужен календарь.

Он начал хорохориться:

– Мия, не раздувай из мухи слона.

– Но ты ведь обещал, что больше ни капли!

Мои слова его задели. Папа переменялся в лице, решительно поднялся с дивана, но тут же неуклюже шатнулся. Я уставилась на него с ужасом.

– Это колени, – тихо сказал папа. – Побаливают.

Я не ответила, просто отвернулась, чтобы он не заметил выступившие на моих глазах слезы.

С тех пор, как умерла мама, у папы проблемы с алкоголем. До этого он пил только по праздникам, да и то мало, а теперь вот периодически уходит в запой. Со смертью мамы, вообще, многое поменялось. Самое ужасное – то, что папа перестал рисовать. Совсем. Первые несколько месяцев после похорон я еще надеялась, что он снова возьмется за кисть,

но потом эти надежды полностью исчезли. Папа говорил, что краски напоминают ему о маме. Стоило ему оказаться перед мольбертом – на него накатывало черное тягучее отчаяние. Только физическая работа позволяла ему хоть немного забыться, потому папа пошел работать на стройку. Именно там он впервые запил.

Работал он вахтой, по две недели, и мог не просыхать все свои выходные и даже дольше. Пару раз я доставала ему липовые справки о больничном, чтобы его не уволили с работы. А потом Настя посоветовала перестать это делать. Мне было тяжело ее послушаться, но совет помог. Когда папу выперли с двух строек подряд, он наконец решил завязать. Закодировался и устроился садовником к одному богатею. Все только-только начало налаживаться, и вот опять...

В прихожей хлопнула дверь, выводя меня из задумчивости.

Я бросилась на крыльцо и успела увидеть, как папа отпирает калитку.

– Ты куда? – закричала я, всплеснув руками.

Папа нехотя обернулся.

– Прогуляюсь, – сказал он. – Подышу воздухом.

– Не надо, – почему-то испугалась я. – Не ходи. Я не буду больше тебе ничего говорить. Обещаю!

Он дернул плечом и тут же скользнул на улицу, прикрыл за собой дверь.

Обиделся.

Но я ведь не хотела обидеть, мне просто страшно, что и его тоже, как мамы, не станет. Я ведь останусь совсем одна. Одна-одинешенька.

Я села на крыльцо и закрыла лицо руками.

Глава 3. Платон

Стоило мне заикнуться об отпуске – отец буквально расцвел. Месяца три назад, под давлением нашего семейного доктора, он начал посещать мозгоправа и немного поехал кукухой на теме отдыха. Теперь регулярно сыплет фразами вроде: «Всех денег не заработать» и «Работа не волк».

Еще зимой отец был другим. Если в офисе скапливалось много нерешенных вопросов, папа мог остаться на рабочем месте на всю ночь. Если случалось что-то экстренное в филиалах – отправлялся туда немедленно. Его рвение всегда меня заражало, мотивировало, а теперь оно, кажется, в прошлом.

Нет, так-то я не против, что отец немного сбавил обороты: у него и возраст уже не тот, и здоровье хромает. Вот только зачем он пытается навязать свой новый уклад другим? Отца уже несет! Недавно он перевел часть сотрудников на удаленку, а начальников отделов теперь штрафует за переработки их подчиненных. Мои рацпредложения отец вообще игнорирует, мои дела тайно передает другим. Передает людям, которые с этими делами не справляются. Жесть просто! Еще пару месяцев в таком стиле – и конкуренты втопчут нас в землю.

И вот сейчас, когда мне лучше бы сидеть в Москве безвылазно и за спиной отца все же раздавать криворуким работ-

никам люлей, я должен все бросить и мчаться в Сочи. И все из-за какой-то провинциалки, возомнившей себя Золушкой. Нелепая ситуация...

Я так кипел внутри, что мой последний рабочий день прошел как в тумане.

Перед тем, как отправиться домой, я, скрипя зубами, передал дела заместителю и наказал звонить мне ежедневно утром и вечером. А еще попросил скидывать всю текущую отчетность на мою почту. Пока я распинался, заместитель поглядывал на меня, как хулиганистый пес, выжидающий, когда хозяин наконец свалит. На его губах гуляла мерзкая расслабленная улыбочка.

И как я мог нанять себе этого идиота? Где были мои глаза? Хотя сейчас уже все равно ничего не изменить – придется опираться на то, что есть.

– В любой критической ситуации сразу звони мне! – напоследок распорядился я. – Я всегда буду на связи.

– Да ладно вам, Платон Александрович, – заместитель довольно бездарно изобразил приступ подобострастия. – Все будет в порядке. Отдыхайте с удовольствием.

От того, как мерзко забежали его глазенки, на душе у меня стало совсем паршиво. Я даже подумал, что немного погорячился, заявив матери, что запугивать девушек не этично. Если ваше семейное дело катится в тартарары, иногда можно и забыть об этичности. В конце концов, время – деньги, и иногда лучше прибегнуть к тому решению, которое это са-

мое время экономит.

Еще на работе я купил билет в Сочи и забронировал себе гостиницу. С билетом, кстати повезло: Матвей завтра вылетит в Иркутск, а я в это же время покину Москву.

Идей, как все уладить, у меня не было. Приехав домой, я стал опять шерстить присланные матерью ссылки, надеясь обнаружить хоть какую-нибудь зацепку. Мне кровь из носу надо было подобраться к Пальме поближе, изучить ее. Тогда я сразу соображу, как отвадить глупую девицу от своего брата.

Соблазнять эту клушу я по-прежнему не хотел. Во-первых, не приемлю беспорядочных половых связей, во-вторых, меня не привлекают деревенские замухрышки.

Примерно через час увлеченного изучения аккаунтов Пальмы (нет, ну до чего дурацкая фамилия, брр!), я выяснил, что эта девица дает частные уроки живописи и рисунка. В груди сразу ёкнуло: вот оно, вот дорожка в логово «врага».

Рядом с объявлением об уроках Пальма указала свой номер телефона – весьма кстати. Я тут же этот номер набрал. Пришлось секунд двадцать слушать гудки, но потом на звонок все же ответили.

– Алло! – долетевший из динамика голос показался невероятно грустным.

На мгновение я даже растерялся, но потом все же взял себя в руки, заговорил подчеркнуто деловито:

– Здравствуйте, я по объявлению. Мне нужна Мия Паль-

ма.

– Это я.

– Вы еще даете уроки рисования?

– Да, конечно.

– Я бы хотел начать заниматься у вас завтра.

Повисла пауза. Девушка, кажется, даже что-то уронила. Спустя несколько секунд она уточнила с плохо скрываемым смущением:

– Простите, когда вы хотите начать заниматься?

– Завтра. У меня тут выдался внеплановый отпуск, и мне бы хотелось посвятить его рисованию. Я, кстати, доплачу вам за срочность. Как насчет того, чтобы учить меня за двойную цену?

Она тихо рассмеялась, сказала:

– Ну что вы! Вам не потребуется платить больше. Я просто удивилась вашей решительности: обычно на мои уроки записываются загодя. Подождите пару секунд, я найду организера и выберем время. – Раздался шорох листочков. – В одиннадцать утра вам будет удобно?

– Да.

– Значит, договорились. Жду вас завтра в одиннадцать у себя. Адрес знаете?

Я сказал, что не знаю, и она тут же продиктовала мне улицу и дом. А после попросила:

– Захватите, пожалуйста, фото своих работ. Мне бы хотелось оценить ваш уровень.

От ее предложения меня перекоरेжило. Какие к черту работы? С детства ненавижу рисовать: на мой взгляд, это довольно бессмысленное, утомительное занятие. Но, естественно, мыслями своими я делиться не стал, сказал:

– У меня нет никаких рисунков: я только-только увлекся рисованием.

Пальма продолжила упорствовать:

– Везите любые наброски. Не надо стесняться. Я, как педагог, должна понять, с чего нам лучше начать занятия, определить ваши сильные и слабые стороны.

Я быстренько с ней распрощался. Отложив телефон, закрыл глаза и зачем-то прокрутил состоявшийся разговор в голове еще раз.

У Пальмы, оказывается, приятный голос. Мягкий и добрый. Интересно, вживую она звучит так же обезоруживающе?

Я вдруг поймал себя на том, что улыбаюсь. И какого спрашивается черта? Вот только симпатии к своей потенциальной жертве мне и не хватало.

Вздохнув, я стер с губ дурацкую улыбку и начал паковать чемодан.

Мой полет в Сочи прошел нормально, да и от аэропорта до отеля я добрался без происшествий. Единственное, что напугало – болтовня попавшегося мне таксиста. Пропеченный южным солнцем паренек не смолкал ни на секунду. Пару раз

я открытым текстом попросил его заткнуться и дать мне подремать в дороге, но он эти просьбы нагло проигнорировал.

А ведь я не сомкнул глаз этой ночью. Бессонница – мой бич с детства, она часто нападет на меня перед важными мероприятиями. И хоть я не считал встречу с провинциальной пассией брата такой уж ответственной, все равно, видимо, был на взводе и не мог спать.

Даже в самолете я чувствовал бодрость, но стоило ступить на южную землю – мозги сразу стали ватными. Теперь я то и дело клевал носом. Наверное, это из-за жары. В Сочи она оказалась куда сильнее, чем я ожидал: несмотря на ранний час, воздух напоминал густое, разогретое облако.

Заселившись в отель, я, первым делом, принял ледяной душ. Сразу стал бодрей, но ненадолго. Стоило немного перекусить – меня опять потянуло в сон. Глаза слипались со страшной силой, но времени отдыхать не было, потому я просто выпил три чашки эспresso, после чего двинул к Пальме – пешком.

Она жила недалеко от моего отеля, и я был уверен, что попаду к ней довольно быстро. Однако пройти к нужному месту оказалось непросто. Да еще, как назло, у моего телефона сохла батарея, и карты, которыми я собирался воспользоваться, стали недоступны. Расспрашивать снующих повсюду туристов я не рискнул, положился на интуицию. И совершенно напрасно.

Улочки в этой части Сочи располагались хаотично и то

и дело заканчивались тупиками. А еще номера домам явно присваивал какой-то сумасшедший, лишенный всякой логики. Я изрядно попетлял, пока набрел на дом Пальмы, и хорошо так опоздал на урок.

Участок Пальмы огораживал высокий кованый забор. Я подошел к калитке и поискал звонок. Тот нашелся справа – под листьями плюща. Я собрался нажать на кнопку, но в этот момент внутри все резко похолодело. Я вдруг подумал: а что если Мия меня знает? Матвей вполне мог показать ей фотографии семьи. Мой брат, конечно, не слишком словоохотлив, но, может, Пальме как раз подробно рассказал о всех своих родственниках.

Мозги у меня закрипели. Я стал напряженно прикидывать, как бы так невзначай вызнать, известно ли обо мне моей будущей училке. И в этот момент откуда-то сверху раздалось:

– Что же вы стоите? Заходите, калитка не заперта.

Это было так неожиданно, что я даже вздрогнул. Чуть погодя огляделся, но не увидел поблизости людей. Домик Пальмы располагался в глубине участка, голос явно шел не оттуда. Но голос был ее, в этом сомнений у меня не было.

– Я на дереве, – словно прочитав мои мысли, пояснил голос.

Я задрал голову. У калитки действительно имелось раскидистое дерево, усыпанное странными красными и черными ягодами. Дерево это вдруг затряслось, и через несколько

секунд с него не то соскочила, не то свалилась худенькая девушка.

– Ай! – пискнула она чуть слышно. – Поцарапалась.

Я невольно усмехнулся и тут же вошел во двор. Отступать все равно было некуда.

Девушка вышла на тропинку, ведущую к дому, и уставилась на меня с добродушным любопытством.

– Вы на урок, да? Я почему-то решила, что вы не придете.

Она была жутко растрепанной и вся в фиолетовых пятнах. А еще держала в руках прозрачный пакет с теми самыми ягодами, что росли на дереве.

– Извините, что опоздал, – пробормотал я. – Я немного заплутал, пока искал ваш дом. Меня зовут Роман.

Я впился взглядом в ее лицо. Моя маленькая ложь не стерла с него и капли добродушия. Значит ли это, что Мия меня не знает? Ох, хоть бы так и было – мне не нужны проблемы.

– Я рада, что вы все же пришли, – сказала Пальма и вдруг посмотрела на меня с вызовом. – А меня зовут Мия Филипповна.

Мне стало смешно. Девчонка выглядела ровесницей Матвея, а значит, на пять-шесть лет младше меня. К тому же и на порядок ниже, смотрит снизу вверх, но ждет, что буду называть ее по имени-отчеству.

Я прислонился к забору и, сложив руки на груди, лениво предложил:

– А можно для меня просто Мия?

На несколько секунд повисла пауза, а потом Пальма замолчала головой.

– Нет, – твердо сказала она. – Мне нравится, когда ученики обращаются по имени-отчеству. Мне так комфортней.

Своей подчеркнутой серьезностью она напомнила мне маленькую девочку, нарядившуюся в мамины платье и туфли, и возомнившую себя взрослой. Но я все же не стал спорить. На «ты» мы можем и чуть позже перейти.

– Что вы собирали? – без всякого перехода спросил я.

– Тутовник. – Она раскрыла пакет и показала свой «улов». – Будете?

Пальцы у нее тоже были фиолетовыми. Видимо, от этого самого тутовника.

– Угощайтесь! – Мия сделала шаг ко мне.

Не знаю почему, но сердце у меня пропустило удар. Наверное, недосып и эспрессо дали о себе знать.

Я отделился от забора и заглянул в пакет, спросил:

– А разве ягоды не следует мыть перед тем, как предложить их гостям?

Она рассмеялась, вынула из пакета пару продолговатых черных корябушек и тут же отправила их в рот. Прямо вместе с крохотными зелеными веточками.

– М-м-м! – напоказ причмокнула Пальма. – С микробами просто умопомрачительно вкусно.

Я скривился, но невольно задержал взгляд на ее лице. На нем тоже имелось несколько фиолетовых пятнышек. А еще

губы... губы Мии по краям стали синими от сока. Просто удивительная замарашка! И, главное, ни капли не смущается.

– Не пугайтесь вы так: я не умру от холеры! – Пальма чуть наклонила голову на бок и прищурилась. – У вас в столице так не принято, верно?

Я, кажется, перестал дышать. Она сказала «в столице» – мне не послышалось? Но я же не говорил, откуда приеду...

– Откуда вы знаете, что я из Москвы?

– Угадала, да? – Мия расплылась в довольной улыбке. – Считайте, что вас выдала нездоровая бледность и снобистское выражение лица.

Она даже нос задрала кверху от гордости за свою сообразительность, а я как-то сразу расслабился.

– Хм... – протянул я, сверля ее взглядом. – Кажется, родители забыли рассказать вам, что называть человека снобом – дурной тон.

– Извините. – Она даже не попыталась изобразить чувство вины. – Я не хотела вас обидеть. Присядьте пока вот тут, на скамье. Я помою для вас ягоды и приведу себя в порядок, а потом мы начнем занятие.

Она пошла к дому, а я невольно проводил ее взглядом. Сзади девчонка была очень даже ничего: ноги длинные, поп-ка красивая. Хотя, надо признать, спереди Пальма мне тоже понравилась. Если на фото она казалась обычной, то в жизни производила другое впечатление. В ней однозначно было

что-то цепляющее, какая-то изюминка. Но в чем именно она заключалась, понять я пока не мог.

Когда Мия скрылась в доме, я присел, куда мне велели, и огляделся. Участок показался мне небольшим, но уютным: повсюду цвели какие-то кусты, у крыльца росли пальмы. Вдоль тропинки, ведущей к крыльцу, пестрели розы. В общем, сад вполне годился для журнальной фотографии, а вот дом был совершенно непримечательным и, кажется, старым. Хотя точно оценить его состояние я не смог: домишко слишком плотно оплели разнообразные лианы.

– Заскучали? – Пальма вернулась во двор минут через десять. Бриджи и майку, в которой она свалилась с дерева, сменил сарафан – простой такой, в цветочек. В нем только семечками на базаре торговать, но... мне он почему-то понравился.

– Держите! – Пальма всунула мне в руки чашку с собранными ягодами. – Ешьте спокойно: я вымыла их в хлорке и подержала под кварцевой лампой.

– Весьма любезно с вашей стороны, – хмыкнул я, скользнул взглядом по ее пальцам. – А руки вы, видимо, мыть не стали?

Она развернула ко мне ладони, на которых по-прежнему, виднелись фиолетовые пятна, и притворно вздохнула.

– Не отмываются.

Я невольно отметил про себя, что у Пальмы короткие ногти. Я сто лет не видел таких. В моем окружении все девушки

с длинными, наращенными ногтями, и Вика не исключение. Каждую неделю она ходит в салон, что-то там со своими руками делает, а потом требует у меня на этот счет комплиментов. Я обычно не вижу никаких изменений, но никогда не признаюсь. Мода есть мода. Интересно, почему Пальма-то от нее отстаёт? У нее что, настолько плохо с деньгами, что даже на маникюр не хватает?

– Неужели тутовник по-прежнему не внушает вам доверия? – спросила Мия, по-своему истолковав мою задумчивость.

Я кивнул.

– Не внушает. Раньше мы с ним не встречались.

– Правда? – Ее глаза удивленно распахнулись. – Значит, вам повезло. Это же классно – пробовать новое!

Я подцепил одну черную корябушку из чашки и отправил в рот. Пальма замерла, уставилась на меня с горячим нетерпением.

– Ну?

– Вкусно! – улыбнулся я, и она чуть не запрыгала на радостях.

Она, вообще, как-то не умела скрывать эмоций, держать лицо.

Я съел еще несколько ягод, после чего Пальма повела меня за дом. Там, в тени виноградных лоз, обнаружилось еще одно крылечко. Мы поднялись на него, и Мия, привстав на цыпочки, стала шарить рукой по наличнику над дверью.

– Что вы делаете? – не понял я.

– Ищу ключ.

Доска под ее ногой жалобно скрипнула.

А дом и правда стар, – подумал я, – крыльцо рассохлось, а дверь, кажется, застала революцию. Мама права: Пальма – нищесбродка и явно нуждается в деньгах, а значит, посвящать ее в свои тайны крайне нежелательно.

Мия наконец нашла ключ и отперла замок; распахнув дверь, застыла рядом с гостеприимной улыбкой.

– Добро пожаловать в мою мастерскую.

Я с сомнением шагнул через порог этой хибары. Воображение рисовало грязь, облупленную штукатурку и рваный линолеум. Но мастерская оказалась довольно уютной и светлой. Почти все пространство комнаты заполняли стулья и мольберты. Стены и потолок были выкрашены в белый, на стенах висели картины – какие-то пейзажи.

– Выбирайте себе место, – предложила Пальма, и я плюхнулся на первый же стул.

– Показывайте! – Она присела рядом.

– Что? – не понял я.

– Свои работы.

– Я же говорил по телефону: у меня их нет.

– Ну перестаньте! Не надо меня стесняться, – Ее лицо выражало крайнюю степень заинтересованности. Должно быть, Пальма и в самом деле верила в то, что я непризнанный гений, которому только робость мешает озарить свет своим та-

лантом. Ну и дуреха!

– Я не обманываю, – буркнул я с раздражением. – Последний раз я рисовал в школе и получил трояк.

Последнее говорить явно не стоило – Мия вдруг переменялась в лице и даже чуть отодвинулась. Кажется, она заподозрила меня в чем-то нехорошем. Интересно, кстати, в чем?

Откинувшись на спинку стула, я одарил Пальму самой обворожительной из своих улыбок.

– Зачем вы записались на урок? – холодно поинтересовалась она в ответ.

Действительно, зачем? Мне следовало бы продумать легенду, а я этим не озаботился: слишком торопился. Ну ничего, сейчас что-нибудь сочиню.

– Понимаете... – начал я, оглядываясь по сторонам в поисках идей. – Иногда нужно пробовать в отпуске что-то новое, иначе жизнь превратится в день сурка.

– Чтобы развлечься, вам лучше прыгнуть с парашютом или полетать на воздушном шаре, – сухо заметила она. – Рисование не даст вам острых ощущений.

– Я похож на искателя острых ощущений? – искренне удивился я.

Она добросовестно задумалась, а меня вдруг осенило. Женщины – существа крайне жалостливые, значит, на это и надо давить.

– Ладно, отвечу вам честно, – я на тон понизил голос, чтобы звучать убедительней. – Уроки рисования мне выписал

психотерапевт.

– В каком смысле?

– В прямом. На последнем приеме мой психотерапевт вдруг вскочил и говорит мне: Платон... – Уже брякнув собственное имя, я осекся. Господи, какой же я идиот! Я же представился Романом. Романом!

В столь дурацкую ситуацию попадать мне еще не доводилось, и я понятия не имел, как выкручиваться. Мозг предательски вырубился, ладони похолодели.

– Так что там Платон? – сама того не ведая, подсказала выход Мия. – Что умное он сказал о вашей проблеме?

– Он сказал, что искусство лечит душу.

– А вашу душу нужно лечить?

– Да.

– От чего же? – В ее глазах заплясали смешинки. – От несчастной любви?

– Почти, – кивнул я. – От несчастной любви к работе.

– Никогда таких диагнозов не слышала.

– Значит, вам повезло.

Она придвинулась обратно и уставилась на меня требовательно.

– И что же вы замолчали? Я жду подробностей.

В ее любопытстве было что-то ребячливое. Я специально выдержал небольшую паузу, чтобы еще сильнее его подогреть.

– Подробности не очень интересны, – задумчиво произнес

я. – Пашу как вол, а повышение опять пролетело мимо меня.

– Время от времени это бывает у всех.

– Ага, но со мной такое уже третий год подряд.

Она посмотрела на меня с искренним сочувствием, а я поспешил еще больше ее разжалобить:

– Я понимаю, что из меня посредственный ученик, но очень прошу не выгонять. Мне, как воздух, нужна перезагрузка. Кстати, предложение о двойной оплате все еще в силе.

Она не ответила. Кажется, прикидывала что-то там у себя в голове.

– Понимаю, – грустно улыбнулся я. – Вы, наверное, планировали посвятить лето своему творчеству, а тут меня принесло.

– Вовсе нет.

– Ну мне-то можете не врать! Я не дурак – понимаю, что учить всяких бездарей – сомнительное удовольствие. Вы явно грезите совсем о другом – о выставках.

Пальма рассмеялась.

– Вы ошибаетесь! Ни о каких выставках я не грежу. У каждого свое призвание: кто-то создает шедевры, а кому-то нравится учить. Я из последних.

«Очень жаль!» – мысленно констатировал я. Ведь, если бы Пальма мечтала о выставках, можно было бы под видом мецената увезти ее в Петербург. Матвей бы поскучал немного сначала, а потом, глядишь, и переключился бы на новую

провинциалку.

– Хорошо, я буду вас учить! – наконец согласилась Мия. – Мне даже интересно, что из вас получится. А начнем мы, пожалуй, с небольшого натюрморта.

Она встала со стула и подошла к столику в конце комнаты, выставила на него из шкафа кувшин, кружку с отколотым краем, потом положила рядом с ними пару пластиковых яблок. Я, сам того не заметив, вдруг залюбовался простотой ее движений. Пальма держалась совершенно бесхитростно, по-домашнему, а мне это было в диковину. Я привык, что девушки рядом со мной строят из себя таких избалованных кошечек: прогибают поясицы, оглаживают себя по бедрам.

Мия вдруг обернулась и посмотрела в упор. Я этого совершенно не ожидал и смутился, как какой-нибудь прыщавый подросток.

– Готовы? – спокойно спросила она, совершенно проигнорировав мою реакцию.

– Наверное.

Она снова под села ко мне и начала говорить что-то о композиции. Я изо всех сил пытался слушать внимательно, но все объяснения словно летели мимо меня. А все из-за колхозного сарафанчика Пальмы. Он чуть задрался, и я не мог не коситься на открывшиеся моему глазу девичьи колени. Думать вдобавок мешало то, что от Мии очень вкусно пахло – ветром и морем – меня так и подмывало придвинуться к ней поближе, но, конечно, я запретил себе это делать.

– Все понятно? – закончив объяснять, спросила Мия.

– Да вроде, – буркнул я, пряча взгляд. В моей голове, к сожалению, не отложилось ни слова.

– Значит, принимайтесь за дело. – Она закрепила на моем мольберте большой лист, а после вручила мне несколько карандашей и ластик.

Черт! Неужели следующий час моей жизни пройдет настолько бездарно – за дурацким рисованием? Просто пытка какая-то!

Я отставил чашку с тутовником на соседний стул и попытался изобразить воодушевление.

Пальма зачем-то встала за моей спиной. У меня даже в затылке потяжелело от ее пристального взгляда. Я выждал немного, а потом возмутился:

– Я не могу работать, когда вы смотрите.

– Мне надо оценить, как вы держите карандаш.

– Не поверите – я держу его рукой, – хмыкнул я. – Как все нормальные люди.

Она и не подумала отойти. Дабы поскорей удовлетворить ее любопытство, я начал корябать на листе кувшин.

– Подождите! – почти сразу остановила Мия. – Карандаш вы все-таки держите неправильно.

– Господи, вы серьезно?

– А вы разве сами не видите, что размазываете набросок ладонью?

Я пожал плечами. Сказать по правде, плевать мне было,

что там и где размазывается, – мне просто хотелось быстрее покончить с дурацким натюрмортом.

Пальма забрала у меня карандаш и показала, как следовало его держать. Способ был какой-то странный и неестественный. Я попытался повторить, но не особо получилось. Тогда Пальма сама вложила карандаш мне в руку.

– Вот так.

Ее пальцы обхватили мои, и с организмом произошло что-то непонятное – по венам будто электричество потекло.

– Мне неудобно, – тихо проговорил я.

Пальма отпрянула и почему-то смутилась, сказала:

– Это только поначалу, потом привыкнете.

Она наконец отошла – к окну – и минут на двадцать обо мне словно забыла.

Мысленно чертыхаясь, я кое-как нарисовал кружку, кувшин и принялся за яблоки. Одно из них решительно отказывалось помещаться на листе – я несколько раз его стирал, чтобы переделать, потому бумага в одном месте протерлась до дырки. Устав бороться за совершенство, я нарисовал чертово яблоко в два раза меньше первого, а потом с чувством исполненного долга откинулся на спинку стула.

– А чем раскрашивать? – сухо спросил я. – Цветные карандаши дадите, как в садике?

– Не надо раскрашивать. – Мия встрепелась. – Вся работа должна быть выполнена простым карандашом.

Она снова подошла и уставилась на мой рисунок. Ее лицо

надо было видеть – оно вытянулось и даже чуток побледнело.

– Для первого раза неплохо! – поспешил успокоить я. Мне не улыбалось рисовать яблоки и кувшин еще раз.

Пальма взглянула на меня скептически.

– А, по-моему, вы не слишком-то старались, – пробурчала она.

– Что? – У меня дыхание перехватило от возмущения. – Я не слишком старался? Да я выложил на все сто. У меня даже руку сводит уже от вашего странного способа держать карандаш.

– Seriously? – Она прищурилась. – Вы этим способом не пользовались – я обратила внимание.

Вот же стерва! Подсматривала, оказывается. Я втянул голову в плечи и изобразил тяжелое раскаяние.

– Вы слишком многого хотите от простого экономиста, – напомнил я.

– Ладно, вы правы! – Взгляд Мии тут же смягчился. – Надо уметь довольствоваться малым.

Она под села ко мне и, забрав карандаш, почти полностью переделала мой набросок. Попутно, правда, вещала про какие-то эллипсы и показывала, как карандашом измерять пропорции. Я кивал и улыбался. И снова украдкой разглядывал ее ноги, как какой-нибудь озабоченный подросток.

Покончив с наброском, Пальма велела мне заштриховать рисунок.

В этот раз я не торопился. Корябал карандашом по листу и

украдкой наблюдал за своей учительницей. Она села за стол и тоже что-то рисовала. Серьезная такая, сосредоточенная.

Надо ее разговорить, – решил я. Если я лучше узнаю Пальму, у меня будет больше шансов придумать, как отвадить ее от брата.

– А вы одна живете? – спросил я со скучающим видом.

Она подняла на меня удивленный, недоверчивый взгляд.

– Почему вы спрашиваете?

– Хочу навести на вас бандитов, – не слишком удачно пошутил я. – Но вдруг у вас в мужьях чемпион по стрельбе – мне будет неудобно перед ребятами за такую подставу.

Пальма все же оценила шутку, улыбнулась.

– Бандиты не найдут у нас дома ничего ценного, – сказала она.

– Почему? Вы все заработанное жертвуете на благотворительность? Или пропиваете?

Она неожиданно стала красной как помидор. Я даже немного оторопел от того, что с первого захода попал в больное место. И само собой, поспешил уточнить:

– У родителей проблемы с алкоголем?

Ее глаза потемнели. Пальме явно было неприятно развивать тему, но она не стала лукавить, призналась:

– У отца проблемы, но мы не бедствуем, нет. Просто живем скромно.

«Да я уже заметил!» – чуть было не брякнул я, но в последний момент сдержался. Вместо этого спросил:

– У папы – проблемы с алкоголем, а у мамы, наверное, проблемы с папой?

Мия еще больше напряглась, украдкой вздохнула.

– Нет. Мама умерла. От рака.

Мне показалось, что в ее глазах блеснули слезы. Наверное, она потеряла мать совсем не давно – рана от потери еще не затянулась. Я подумал, что надо сказать Мии что-нибудь ободряющее, но слова не шли на ум. Я просто таращился на нее как заколдованный.

Она вдруг смутилась и тут же поднялась из-за стола.

– Извините, мне надо отойти ненадолго. Вы работайте пока! Я вернусь и посмотрю, что получилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.